

Юлианна Клермон

БАБА ЯГА
ВСЁ ПОРЕШАЕТ

ПРИМАН ДИВ
1. Завести
2. Не выпустить
3. Не сойти
с ума

Как сделать
порт в
студии

Не забудь
про воду
и чай

ИНСТРУКЦИЯ
ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СТУДИИ
1. Вести
2. Сконцентрироваться
3. Пилить
4. Не разбавлять

Юлианна Клермон

Баба Яга всё порешает

<https://litres.ru/74660263>

Аннотация

ПЕРЕХОДЯ ДОРОГУ, СМОТРИТЕ СНАЧАЛА НАЛЕВО, ЗАТЕМ НАПРАВО. ИНАЧЕ ИМЕЕТЕ ВСЕ ШАНСЫ ПОПАСТЬ В МЕЖМИРЬЕ

Здесь живут сказочные существа, о которых вам когда-то читала сказки бабушка. Но не думайте, что станете их обедом или соседом – вы станете одним из них. Без вариантов.

Всё ещё мечтаете о природе, свежем воздухе и... приключениях? А жить в условиях, приближённых к спартанским, и даже немного за гранью? Тогда дерзайте.

Куратор вам в помощь. И ИКН. И инспекторша. И бессердечная бюрократическая машина, в жерновах которой за тысячелетия перекрутилась не одна баба Яга.

Вас ждут приключения, дружба, любовь, избушка с характером и кот, который вот уже девятьсот лет мечтает о мясе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	58
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

– Эй, Яга, ты чего закрылась? – орёт кто-то зычным басом, и сразу же в уши врзается такой грохот, словно металлический молот со всей дури лупит по чему-то крепкому, но податливому.

С трудом продираю глаза.

Ёшки-поварёшки, где это я?

Оглядываю помещеньеице четыре на четыре, в котором уместилась небольшая белёная печь, умывальник с ведром под низом, квадратный деревянный стол, большой чан с потухшим под ним кострищем и узкая жёсткая кровать, на которой я, собственно, лежу.

Я в однокомнатном рубленом доме. Знаю такой, у бабушки был, только побольше.

Поворачиваю голову в сторону небольшого оконца с простенькими занавесками и наблюдаю по ту сторону лес.

Червивые яблочки... Повторяю свой вопрос: ГДЕ Я?! Да, вот так, заглавными буквами: ГДЕ!? Я!?

Сто пудов не у бабушки, ведь дом-то её давно продан.

– Яга, ты там оглохла, что ли?! Открывай, поговорить надо! – деревянная дверь снова сотрясается от грохота, заставляя меня вздрогнуть. – Ушёл на полчаса, называется. Икуня, она там вообще живая, или мне труп прислали? Потряси её

хорошенько.

Не успеваю понять, о какой Икуне и, тем паче, трупe идёт речь, как раздаётся странный скрип. Дом качается, словно лодка на волнах, а потом резко приходит в движение.

Не успев ни за что схватиться, я кубарем качусь сначала на пол, а оттуда прямиком под стол. Больно бьюсь коленом о ножку и едва успеваю вжать голову в плечи, чтобы не треснуться о другую ножку носом.

Мамочки мои, это же землетрясение! Баллов сто, не меньше!

Хочется схватиться за голову и заорать, но паникой делу не поможешь. Поэтому я издаю тихий, но полный ужаса писк, подскакиваю и на четвереньках улепётываю под кровать.

Я ничего не понимаю, а ещё мне нереально страшно.

Забиваюсь как можно глубже, задерживая дыхание и силась не чихнуть. Жду, когда хотя бы землетрясение прекратится. Остальные вопросы буду решать потом.

Дом трясёт ещё примерно минуту, после чего всё затихает.

Некоторое время жду, но больше ничего не происходит. Поэтому я вылезаю на свет и озираюсь, ожидая увидеть погром и тех, кто меня похитил и притащил сюда. Куда “сюда”, я тоже пока не знаю, но намереваюсь это выяснить.

Вот только в доме никого нет. И ещё... Поистине чудеса чудесатые, но вся мебель после такой тряски стоит на своих

местах. Как приклеенная, ей-богу. Даже керосинка на столе не сдвинулась ни на сантиметр. И ведро под умывальником. И чан с водой не расплескался.

А вот пейзаж за окном поменялся. Были ёлки и дубы, а теперь там откуда-то взялись берёзки.

Точно чудеса. Если, конечно, не учитывать тот фактор, что я могла банально сойти с ума, и мне всё мерещится.

Поднимаюсь и только сейчас замечаю, что одежда-то на мне не та! В смысле, не моя, современная, а старая, словно из XIX века. Или из сказки.

А это что за ерунда?

Оглядываю себя. На мне белая рубашка с пышными рукавами, красный сарафан с ромашками по низу подола, поверх фартук. На ногах что-то похожее на калоши, только мягкие.

Пока осматриваю сарафан, замечаю свои руки...

А вот это уже ни в какие ворота...

Если одежду можно надеть другую, берёзки тоже ещё туда-сюда объяснить можно, то руки... Руки, которые из собственных плеч растут, как объяснить? Потому что они тоже не мои – пальцы тонкие, изящные, кожа почти прозрачная, ногти коротенькие, но очень аккуратненькие. Это руки молодой девушки! Не мои! Пардоньте, а где мои?

Откашливаюсь, потому что в горле першит от подкроватной пыли, а в голове мысли становятся в раскоряк.

А что, если предположить... Ну нет, это же чистое фэнтези, выдумка!

И всё же руки говорят, что в моём случае выдумка имеет место быть.

Ха-ха три раза. Всё-таки я чокнулась.

Осторожно подхожу к небольшому зеркалу на стене.

По идее, надо бы бежать на улицу – вдруг дом снова начнёт трясти. Но, с другой стороны, он эту встряску пережил играючи – вон, даже сажа возле печки с места не сдвинулась. А вот что там, снаружи, – большой вопрос.

К тому же, голос этот басовитый, хоть и молчит сейчас, но всё равно напрягает. Вдруг это мой похититель?

Но больше всего меня сейчас напрягает не землетрясение, и даже не похититель, а я сама. Точнее то, что моё тело мне абсолютно незнакомо.

С осторожностью заглядываю в зеркало, потому что, как говорил где-то когда-то какой-то мужик: “Меня терзают смутные сомнения...”

Сомнения не подводят.

И впору бы мне орать. Да вот только по-прежнему не орётся. Хотя очень хочется. Я бы сказала, безумно. Потому что в зеркале отражается какая-то девица.

Красивая, спору нет – волосы русые, коса толщиной в руку, глаза большие, небесно-голубые, брови вразлёт, небольшой носик вверх немного задран, губы яркие, сочные. Короче, кровь с молоком, самый сок...

И это явно не я!

Святые синички, что происходит?! Я кто вообще?! И как

я так попала?! Как вообще так можно попасть?!

Собираюсь уже стартануть к умывальнику – может, водичка в лицо приведёт в чувство, – но тут замечаю на столе листок бумаги и рядом карандаш.

Записка?..

С опаской беру её в руки:

“Ты памёрла. Будишь жыть в этам тели. Щисливай службы. Цылую, баба Яга“.

Так, не поняла. Какой службы? Какая баба?..

От избытка чувств ноги подкашиваются, и я плюхаюсь на широкий табурет.

– А можно, пожалуйста, поподробней, – спрашиваю у записки растерянным, но удивительно мелодичным и приятным голосом.

И тут воздух дрожит, словно рябь на воде. Перед глазами мелькает свет фар, слышится визг тормозов и короткий удар, после которого я куда-то лечу.

Потрясённо икаю. Других эмоций почему-то нет. Наверное, от шока и осознания уровня подставы. Всё-таки книжки я читала... И про попаданок в чужие тела в том числе. Но никогда не думала, что однажды это случится со мной.

Честно говоря, нужно начать с того, что я никогда не думала, что такое бывает на самом деле. А вот поди ж ты...

Перевожу дыхание, снова оглядываю пустую комнату. Подмечаю возле печи в углу ухват и толстую деревянную лопату, а под ними пару перевёрнутых пустых чугунков.

Ну и куда я попала? В избушку бабы Яги? А я тогда кто? Василиса прекрасная? Или премудрая? Или просто бабка-ёжкинский завтрак?

– О'кей, с “помёрла“ разобрались, – говорю вслух, потому что так меньше страшно, чем вариться в собственных мыслях. – А что за служба? И где та самая баба Яга, которая меня цЫлует?

Воздух снова дрожит, и на столе сам собой появляется новый листок. Беру его, читаю:

ИНСТРУКЦИЯ

Дорогой вновь прибывший!

Рады приветствовать вас в этом теле.

С момента активации, который произошёл в минуту вашего пробуждения, вы являетесь действующим сотрудником ЧОП “Лукоморье”.

Ваше рабочее место – северная сторона Межмирья, места, где соприкасаются множество миров.

Ваше кодовое имя – Яга-1313.

Ваша должность – Хранитель границ.

Ваша обязанность – следить, чтобы границы не истончались, и миры не перемешивались. А именно:

1. Обеспечивать стабильность и плотность границ в радиусе 300 вёрст.

2. Не допускать проникновение посторонних сущностей в Межмирье и смежные миры (в случае проникновения обеспечить их отлов и доставку по месту жительства).

3. Следить за состоянием ИКН, проводить своевременные технические и другие работы.

4. Содержать в надлежащем виде рабочее место.

Срок службы – 100 лет.

По окончании срока вы имеете право выбрать любой мир для дальнейшего проживания, получить выходное пособие в размере зарплаты за 100 лет и новое тело, соответствующее нормам выбранного мира.

Вопросы, связанные с выполнением обязанностей, можете задавать вашему куратору, Коту Бурману (прилагается).

P.S. Отказ от выполнения обязанностей влечёт за собой аннулирование вашей личности. Будьте внимательны и не делайте глупостей.

С надеждой на долгое

и плодотворное сотрудничество,

отдел кадров ЧОП “Лукоморье LTD“

Ох ты ж, стерильные салфетки!..

Проношусь глазами по тексту, снова возвращаюсь наверх, медленно читаю. Какое, блин, Лукоморье?.. Какое Межмирье?!

Читаю в третий раз. Очень внимательно.

Строчки от того, что я перечитываю их вновь и вновь, не меняются, поэтому до меня всё же доходит: всё со мной про-

исходит в действительности. Я – тот самый труп, о котором кто-то орал снаружи. А ещё я – попаданка, свежая душа, которую засунули в это тело взамен уже отслужившей. И теперь я обязана сто лет чинить какие-то границы и следить за состоянием какого-то ИКН.

– Я – баба Яга? – бормочу едва слышно. – Какая прелесть.

Некоторое время молчу, смиряясь с действительностью. И с тем, что попаданство всё же существует. А ещё с тем, что я попала не в тело какой-нибудь богатой и пресыщенной жизнью графини, а в сказку. Только какую-то странную.

Удивительно, но мне не жалко свою старую жизнь. Наверное, это потому, что прошлое уже не изменишь. А вот будущее... Будущее пугает.

Опускаю листок на стол и наблюдаю, как он медленно исчезает.

– Слушайте, я ж не техник, и понятия не имею, как чинить ваши границы. Хоть немного пояснее можно? – спрашиваю пустой стол, но он молчит.

Зато через секунду снова появляется инструкция, на которой чётко выделена строчка про куратора.

Ну да, конечно, все вопросы к коту Бурману.

А где этот кот?

Оглядываюсь, но никого не вижу. Избушка абсолютно пуста.

Но даже если бы кот был... Он же животное, а животные, как известно, не разговаривают. Или нет?..

Додумать мысль я не успеваю, потому что с улицы слышится какой-то шум, возня, а потом в дверь снова громко стучат.

– Предупреждаю последний раз, – тяжело дыша, грозно басит тот же незнакомый голос, – или ты открываешь дверь, или я попрошу избушку пробежать ещё пару сотен вёрст.

Избушку? Пробежать?..

И тут до меня доходит. Я же баба Яга? Баба Яга! Значит, Икуня, как назвал её незнакомец, – это избушка на курьих ножках. Она же ИКН, требующая технического обеспечения. И я сейчас внутри неё. А потому, если не открою, то опять буду летать по всему дому.

А если открою...

И тут во мне поднимается возмущение.

Простите, подвиньтесь! Если это моя избушка, то по всем законам сказочного жанра она должна слушаться меня. Так почему она слушается какого-то страшного незнакомца?

Или я чего-то в этой новой жизни не понимаю?

Подхожу к двери, по дороге прихватив у печки лопату.

– Послушайте, милейший, а с какого такого перепуга вы командуете моей недвижимостью? – строго спрашиваю, не спеша открывать засов. – Не бойтесь, что я вас на лопату посажу да в печь засуну?

Глава 2

Сначала за дверью ничего не происходит.

Вслушиваюсь в тишину и уже думаю, может быть, мой преследователь понял наконец, с кем связался, и ушёл, но внезапно раздаётся какой-то странный нервный ик, а потом незнакомец как-то недоумённо интересуется:

– Кого ты посадишь в печь? Меня? А не боишься остаться без куратора?

Вот тут я подвисяю. Куратора?

Он хочет сказать, что он... Эм-м...

Я понимаю, что нахожусь в другом мире и в чужом теле, но это не означает, что я растеряла остатки соображения. Мозги у меня всё те же. Я взрослая женщина, повидавшая всякое. Книжки опять же читала. И вот так, с кондачка, меня не возьмёшь.

– Вас, вас посажу, – подтверждаю, подбавляя в голос грозные нотки. – Чтобы врать неповадно было.

– И где это я вру? – возмущается бас.

– Как где? Куратором моим назвались.

– Так я и есть твой куратор! Кот Бурман я.

Ага, конечно, кот. У которого вместо “мур“ и “мяу“ – богатырский бас, и который долбит в дверь так, что я поражаюсь, как у избушки ещё не рухнула крыша.

– А подите-ка вы к окну, уважаемый куратор, – предлагаю с ехидцей. – Покажитесь.

Нет, ну мало ли, какие здесь коты. Не удивлюсь, если размером со слона.

Слышу тяжёлый вздох и рябчиком несусь к окошку.

Через пару секунд из-за угла избушки появляется вполне обычного размера кот шоколадной расцветки. С высоко задранным хвостом он важно вышагивает вдоль дома, не сводя с меня жёлтых, лунообразных глаз.

– Ну что, убедились? – спрашивает он и скалит клыки.

Э-э-э... Это он так улыбается?

– Скажите, вы – Бурман, это потому что порода у вас такая? Бурманская кошка? – спрашиваю неожиданно даже для самой себя, словно на данный момент это самый важный и требующий немедленного ответа вопрос.

– Сама ты кошка! – кот нервно дёргает усами. – Дверь открывай. Разговоры разговаривать будем. Инструкцию получила?

– Получила, – киваю.

– Вопросы есть?

– Есть.

– Ну и?.. Чего стоим, кого ждём? Открывай, знакомиться будем, – он недовольно дёргает хвостом. – А то ишь, сразу на лопату. Не успела в должность вступить, а уже угрожает. Тоже мне, попаданки пошли... Никакого уважения к старожилам.

Смотрю на едва шевелящуюся кошачью челюсть, и меня разбирает истерический смех – он действительно говорящий. Живой, наглый, говорящий кот.

Возвращаюсь к двери, снимаю тяжёлый засов. В щель мгновенно влетает тёмная молния, запрыгивает на табурет, садится и оборачивает лапы хвостом. Не кот, а чисто статуя египетская.

– Ну? – выдаёт он басовито. – Не тяни время. Какие вопросы будут? Только предупреждаю сразу: на вопросы типа “как попасть обратно” я не отвечаю.

– Почему? – машинально спрашиваю, садясь на кровать и поправляя косу. Складываю руки на коленях, готовая въезжать в нынешнюю реальность.

Прямо пансионерка благородных кровей, а не баба Яга. Ну а что поделать? Выбора мне не предоставили.

Хотя, справедливости ради, никакая я не баба, выгляжу лет на двадцать от силы. Во всяком случае теперь. Ну да ладно, не суть важно.

Превращаюсь вся в слух, внимательно смотрю на кота.

– Потому что это невозможно, – менторским тоном отвечает он. – Попадающая сюда душа не может вернуться обратно. Её тело погибло.

– Это я уже в курсе, – выставяю ладонь вперёд. – У меня другой вопрос: почему я?

Кот возводит глаза к потолку, некоторое время следит за ворвавшимся в окно солнечным зайчиком.

– Потому что ты подписала договор, – снисходит он до пояснения.

Чего-чего?

Напрягаю память, но никаких ручек с бумагой или кодов на телефон для электронной подписи, или, тем паче, перьев с капающей с них моей собственной кровью не припомню.

– Ничего подобного, – качаю головой. – Не было такого.

– Было.

– Не было.

– Было! – кот перебирает лапами и впивается в меня жёлтыми глазищами. – Когда умирала, думала, что ещё мало пожила?

Задумчиво хмурюсь.

О чём я тогда думала?... Что хлеба дома нет, что сериал мой скоро начнётся. Ещё что-то думала про потёкший экран и выскочившую в диване пружину. А потом свет, визг, и мои мысли: “Как же так?..”

– Вроде бы было... – тяну с сомнением. – Но это же не значит...

– Очень даже значит, – категорически заявляет кот и для верности бьёт хвостом по табурету.

Раздаётся уже знакомый грохот, и я от неожиданности вздрагиваю.

Ничего себе у него хвост! Это он им в дверь стучал? Да таким хвостом деревья валить можно. Или туннели в горах пробивать. Или...

– Так что считай, подписала ты договор, – перебивая мои глупые мысли, договаривает Бурман, довольный произведённым впечатлением.

– Но я же не имела в виду, что хочу жить в сказке! – отрицательно мотаю головой. – Я имела в виду, что мало пожила в своём теле, в своём мире, а не вот это вот всё!

– Прости, условия ты не обговаривала, – он ухмыляется в усы. – Теперь будешь жить здесь. И мы не в сказке, а в Межмирье.

– Где я должна сто лет сторожить какие-то там границы, – усмехаюсь, разводя руками.

– Ну а ты как хотела? Мы все чем-то жертвуем ради жизни.

Мы?.. Это мне типа повезло, что я попала в человеческое тело, а не в кота?

– А, так ты тоже попаданец? – прищуриваюсь. – И давно ты здесь?

– Давно, – коротко сообщает он.

– И тебе тоже нужно отслужить сто лет?

– Нет, – он отворачивается и облизывает лапу. – Я куратор, поэтому служить мне в девять раз дольше.

– Ого! – присвистываю. То есть, мне всё-таки повезло. – А сколько ты уже отслужил?

– Восемьсот девяносто девять лет и один месяц.

– Так ты почти дембель? – восклицаю восторженно. – Ещё годик, и отправишься в другой мир?

– Типа того, – кот бросает на меня непонятный взгляд. – Слушай, что ты всё обо мне расспрашиваешь? Во мне ничего интересного нет. Давай я тебе лучше о Межмирье расскажу. Объясню, где какие существа живут, и в чём заключается твоя работа. А то вдруг что чего не так, а ты не готова. Я потом выговор получу. Мне оно надо?

Он так ловко соскакивает с темы, что я только киваю.

Действительно, с Бурманом по душам мы ещё поговорим, а сейчас мне лучше узнать, чего ждать от новой должности.

– Валяй, рассказывай.

Кот тут же веселеет, вытягивается, выпячивает вперёд грудь и начинает объяснять:

– Значит, слушай сюда, Ягуня. Межмирье – это не мир в привычном понимании, а скорее, перекрёсток. Ну или, если тебе понятнее, кухня в коммуналке, где боками трутся друг о друга сотня соседей. Только соседи – это не люди, а миры. И у каждого свой характер, свои законы и тараканы тоже свои. Иногда в прямом смысле. Понимаешь меня?

Кот многозначительно щурит на меня жёлтые глаза.

Киваю, и он продолжает, выставив переднюю лапу и загибая первый коготь:

– Вот, например, твой родной мир. С ним всё ясно, ты там жила, поэтому я объяснять не буду. Идём дальше.

Он загибает второй коготь.

– Возьмём мир мавок. Тёмный, холодный. Жуть, короче. Живёт там такая нечисть, что ни в сказке сказать, ни пером

описать.

– Мавки? – перебиваю, наморщив лоб. – Это которые в славянской мифологии злые духи, типа умершие насильственной смертью? Утопленницы там всякие...

– Ну да, они самые, – кивает он, возвращая себе менторский тон. – Так вот, за их границами нужно следить особенно тщательно. Помню, лет двести назад, в мае, выбрались они да прямиком в ваш мир рванули. Ох, что было! Мы их ловили-ловили, но пока суть да дело, успели они народ попугать. Кого-то в речку пытались утянуть, перед кем-то в гробах летали, желания на души пытались менять. Жуть, что творилось. Ох, сколько ж тогда жалоб в Лукоморье поступило... Нас с тогдашней Ягуней едва не аннулировали. Спасибо, человек один из вашего мира заступился, попросил дать нам второй шанс. Гоголем звали, как сейчас помню. Дай ему Создатель светлой памяти. Душевный был мужик.

Кот блаженно закатывает глаза к потолку, пока я пытаюсь вернуть свои обратно в орбиты.

Вот это финт ушами! Так вот откуда взялись “Вечера на хуторе близ Диканьки”!

– Ладно, это дело прошлое. Давай теперь дальше. Берём мир светлых духов, – Бурман усмехается в усы и загибает третий коготь. – Вот здесь смотри. Светлые духи, они вроде бы по природе белые и пушистые, всем добра желают. А по факту чуть что, разжигают костры и пытаются очистить другие миры от скверны. Тех же самых мавок гоняют почём

зря, хотя их в чужой мир никто не звал и очищать ничего не просил. Так что на их счёт тоже не обольщайся, ласковым речам не верь, ну и следи, конечно, в оба глаза.

Чем больше кот рассказывает, тем интереснее мне становится. Сразу вспоминаются несуну “добра“, которые со своими кострами шагали по Европе лет пятьсот назад. Говорят, они до сих пор кое-где шагают, только теперь с буклетами.

– А ещё кто есть? – откидываюсь на кровати, устраиваясь поудобнее.

Жутко, конечно, рассказывает, но очень интересно!

Бурман загибает четвёртый коготь, но, видя мой предвкушающий взгляд, решает сменить тактику. Спрыгивает с табурета и начинает расхаживать по избушке взад-вперёд. Ну чисто лектор на кафедре.

Выпендрёжник!

– Есть звериные миры, – говорит он, важно взмахнув хвостом. – Там живут полулюди-полужвери. Через границы они не рвутся, но и к себе не пускают. У них там собственная иерархия – альфы всякие там, омеги. Они чужих не любят. Говорят, пахнут им все не так. Так что к ним соваться вообще не советую – разорвут, сожрут и косточек не соберёшь.

– Весело, – хмыкаю, прикидывая, на сколько мир оборотней закрыт, если люди про них всё равно узнали.

– Ага, обхохочешься, – кот останавливается, смотрит на меня с укоризной. – Я тебе на полном серьёзе, а ты смеёшься. Несерьёзная ты какая-то, Ягуня.

– Да ты что, Бурмашик, – машу на него руками, – я очень серьёзная. А какие ещё миры есть? Эльфы там? Элементали? Драконы?

Кот чихает и едва не крутит пальцем у виска.

– Какие эльфы? Кто это такие? Ты белены объелась? Нет такого мира. Ну, или я о нём ничего не слышал. А драконы и элементали есть. Последние живут в стихийных мирах. Там царствуют огонь, вода, ветер, пустыня. Эти миры самые буйные. Помню, схлестнулись как-то огненные элементали с водными...

Бурман закатывает глаза, не спешит продолжать.

Нагоняет интригу? Ладно.

– И что? – спрашиваю, подаваясь вперёд.

– И то, – веско припечатывает он. – Половину Межмирья затопило, вторую половину чуть не сожгло дотла. Мы с тогдашней Ягуней потом десять лет последствия разгребали. Вот что бывает, когда стихийники между собой смешиваются.

Я присвистываю, а кот, довольный моей реакцией, продолжает:

– Но это, скажу тебе честно, редкий случай. Тогда Ягуня сама виновата была. Надоело ей, видите ли, служить, устроила самопальный отпуск и ушла в загул. Ты так не делай.

– Постараюсь.

– Вот и молодец, – он наконец перестаёт измерять квадратные метры избушки и снова запрыгивает на табурет. – А

вообще границы нечасто истончаются. Бывает, месяцами тишина. Поэтому из всех твоих задач – только печку топить да кашу варить. А бывает три прорыва за неделю. Вот тогда бегаешь как ошпаренный.

– А часто такое бывало, что следишь хорошо, а граница всё равно как-то прорывается? – задаю сакраментальный вопрос.

Всё-таки я человек ответственный, и работу, какой бы она ни была, привыкла выполнять качественно. Меня за это на прежнем месте ценили. И ещё за то, что без больничных работала. И ещё иногда без отпусков. А всё почему? Потому что болеть мне не от кого было, а отдыхать не с кем. Вот что делает с людьми одиночество.

Тяжко вздыхаю, но тут же мысленно машу рукой. Что горевать о жизни ушедшей? Зато сейчас у меня столько приключений впереди. И кот. Что немаловажно – говорящий. И избушка – хоть и недвижимое имущество, а всё равно мобильное.

– Чтобы просто так прорывалось, такого не бывает, – Бурман прикрывает глаза, следит за мной сквозь щёлочки. – Если хорошо работать, то проблем быть не должно. Но бывают случаи, когда кто-то специально границы прогрызает. То ли от скуки, то ли из вредности. Кстати, не так давно это было. Прорвались упыри в ваш мир, разбежались, с простыми людьми смешались и как начали свою моду диктовать. Что тогда было... Костюмы из мяса и смородинового листа пред-

лагали шить, какие-то консервные банки цепляли на металлические прутья, трусы поверх штанов носили, хлеб вместо обуви надевали. В общем, жуть. Вот тогда мы побегали. Всех обратно, конечно, загнали, но, сама понимаешь, такие прорывы даром не проходят. Из вашего мира на нас с Ягуней в Лукоморье та-акие жалобы настрочили, что мама не горюй. Знатная была головомойка.

Бурман в полуобморочном состоянии закатывает глаза, а я закрываю лицо ладонями и хохочу.

Да уж, помню я такую моду.

– Вот тебе всё смешно, а мы знаешь как тряслись? Ух, страстей нагнало, – кот хмуро качает головой. – А вот ещё помню случай. Прорвались светлые духи к мавкам и как давай их водой поливать да кострами грозить. У мавок нервный срыв, нам с Ягуней – выговор. Мол, виноваты, не уследили. Чуть выходного пособия нас не лишили. Знаешь, какая жалоба была – 32 листа исписали мелким почерком, правда половину было не разобрать, потому что писали рыбьей кровью на бересте. Но сути дела это не меняет.

Утыкаюсь носом в кровать и уже практически рыдаю от смеха, а Бурман вздыхает и вдруг, без перехода, впивается в меня жёлтыми глазами:

– Ты, кстати, не думай, что я тебе тут анекдоты рассказываю. Завтра же экскурсию устрою. Посмотрим, где слабые места, заодно Икуню выгуляем. А сейчас, Ягуня, у меня к тебе встречный вопрос.

– Какой? – вытираю слёзы рукавом, пытаюсь отдышаться. Юморист, честное слово.

– Ты вообще-то готовить умеешь? А то печь стоит, а в печи, насколько я чувствую, пусто. Я, пока вас с Икуней догонял, аппетит нагулял будь здоров. Кашу хотя бы сварганить можешь? Или только хохотать?

Он спрыгивает с табурета и деловито направляется к печи, по пути остановившись и своим громобойным хвостом гулко постучав по сундуку у стены.

Девчонки, буду благодарна за отзывы и звёздочки на книге. Кстати, её можно читать детям. Она действительно 16+, а может даже и минус ##

Глава 3

Пока я вожусь с печью, Бурман сидит на табурете и с видом заправского командира руководит процессом.

– Дров не жалеи. Икуня любит, когда тепло. Она, конечно, избушка боевая, но печку уважает.

Закатываю глаза, но дров подкидываю. Я как бы и сама умею печь топить, но пускай почувствует себя важным – заслужил.

Огонь разгорается быстро, и скоро в печи начинает уютно потрескивать.

В небольшом сундучке, что обнаружился сбоку от умывальника, нашлась крупа и крынка с молоком, а рядом посудница с деревянными ложками и парой деревянных кружек.

Мне старинную утварь видеть не впервой, недаром каждое лето в детстве у бабушки проводила, поэтому не удивляюсь ничему и не переживаю, что не управлюсь с чугуном и ухватом. Зато на повестке дня встаёт другой вопрос.

– Бурманчик, – зову кота, снова заглядывая в сундук и рассматривая запасы провизии, – а что мы есть будем, когда всё закончится? Тут так-то крупы ещё на завтрак осталось, а молока и того меньше.

Вокруг лес, и умереть с голоду хотя бы летом проблема-

тично – грибы-ягоды ещё никто не отменял, а вот корову я на улице не видела. Как и поле с пшеницей. И мельницу. Это я уж молчу о том, что мельницы у бабушки в деревне не было, я о них только в книжках читала да по телевизору видела. Так что принцип работы знаю только снаружи – лопасти вертятся, а в мешок сыплется мука. Всё.

– Так этот сундук непростой, – сообщает Бурман, проводя глазами крынку, которую я ставлю на стол. – Пополняемый. Что забрала, на том месте через время что-то новое появляется. Разносолов не жди, но крупы, хлеб, молоко, масло, яйца – это всегда есть. Иногда мясо бывает. Иногда грибы. Как повезёт.

– То есть, мы здесь на полном пансионе? – уточняю, засыпая крупу в чугунок и заливая её молоком. Добавляю немного соли.

– Ну а как иначе? – подтверждает кот.

– Дрова для печки тоже работодатели поставляют? – спрашиваю шуткой и киваю на печь.

– Тоже, – на полном серьёзе отвечает кот.

– А самим нельзя огород какой-нибудь завести? Какую-никакую скотину. Курочек там, кроликов.

Бурман хлопает глазами, а потом недоумённо разводит лапы в стороны:

– Так мы же к месту не привязаны. Сегодня Икуня здесь, а завтра там. Как ты собираешься скотину держать?

Да-а... Проблема...

– Так мы же тут от скуки загнёмся, – всплёскиваю руками.
– Огорода нет, хозяйства нет, работа сдельная. Скука!

– Ну я же как-то не загнулся, – фыркает Бурман. – Маслица положи, так каша сытнее будет.

Кладу масло и под неусыпным взглядом куратора отправляю чугунок в печь.

– А знаешь, Бурмаша, если нам скучно будет, пойдём сами грибы собирать, – заявляю с апломбом. – И по ягоды можно, и на рыбалку... Для этого неважно, где мы ночуем, верно?

Тишина за спиной настораживает, и я оглядываюсь.

Бурмаша смотрит на меня, раскрыв рот.

– Чего? – удивлённо вскидываю брови.

– Да так, ничего, – он отвисает, сворачивается клубочком на табурете. – Прежние Ягуни так не заморачивались.

– Почему? – приходит моя очередь зависать.

– А зачем? В сундуке ж всё есть.

Ну, положим, не всё. Мяса нет, вкусняшек разных – тоже. За сто лет на кашах, конечно, не ноги не протянешь, но и далеко не уедешь. Да и не привыкла я без дела сидеть.

– А чем тогда заниматься, пока дел нет?

– На солнышке греться, – предлагает он.

– Неделями? Я понимаю, отдых отдыхом, но за сто лет с тоски опухнуть можно.

– Это да, – кивает Бурман, и в щёлочках глаз мелькает что-то похожее на уважение.

Пока каша варится, решаю выяснить ещё один вопрос.

Киваю в угол, где стоит большой чан с потухшим кострищем под ним.

– Бурмаша, а это что за бабка-ёжкинский котёл для зелий? Я должна колдовать?

– Обижаешь, начальница, – фыркает он недовольно. – Колдуют низшие существа. А это Зеркало Миров. Над ним ворожить нужно.

– Это как? – подхожу ближе, с интересом разглядываю чан.

– Да просто. Стань рядом, занеси над водой ладони, пожелай и увидишь какую надо территорию.

– И что, так хорошо видно? – смотрю в воду, но пока вижу лишь своё отражение.

– Видно, – подтверждает кот. – Каждую тропку, каждый овраг, каждую прореху, если она есть. Очень полезная вещь, между прочим. Первые Ягуни при мне по старинке работали: утром в ступу прыгнула, помелом махнула и лети, только успевай смотреть в оба. Ох, как мучились мы тогда. Пока всё облетишь, уже вечер наступает. А потом ноги болят, спина ломит. Но не так давно, лет двести назад, нам чан этот поставили. Так Ягуни постоянно в него смотрели. Ну, а лет пятьдесят назад его снова усовершенствовали, и теперь, если что где не так, чан сам сразу нужное место показывает. Технологии, называется.

Кот важно выставляет вверх лапу, вытягивая коготь.

– А если не смотреть в него, то как узнать, что где не так?

– спрашиваю, понизив голос. – Если ночью, например. Или если я не в доме.

– Так аварийная активация срабатывает, – кот следит, как я заносу руки над водной гладью. – Если где-то граница истончилась или, не приведи Создатель, прореха образовалась, звон стоит такой, что мёртвого на ноги поднимет. Так что не пропустишь.

Задумчиво смотрю на чан. Зеркало Миров. Надо же. А с виду обычная бадья.

– А кострище зачем?

– А это уже последняя доработка, недавняя совсем, – кот недовольно щурится. – Если подогреть воду, то над чаном пар поднимается, и можно смотреть картинку. 3D называется. Но это если время есть. Так-то надо сначала костёр развести, подождать, пока вода нагреется. Прежняя Ягуня паром не пользовалась. Говорила, что ерунда это всё, и в Лукоморье с жиру бесятся. Лучше бы придумали печку, которая сама топится, или что-нибудь посовременнее керосинки. Видел я в вашем мире такое, когда мы с Ягуней за упырями гонялись. Отопление и электричество называются. Но нам такое делать не хотят, говорят, для этого нужно быть стационарными, а мы мобильные.

Ага, есть такое. И даже уже покруче. Не буду пока обнадёживать Бурмана, а как здесь приживусь, затребую у Лукоморья генератор и аккумуляторы. А то что это такое – чан у них в 3D показывает, а обед всё в печке готовится?

– Ладно, – оставляю чан в покое, вытираю руки о фартук, – с зеркалом позже разберёмся. Ты пока давай, рассказывай дальше, что ещё за существа есть в смежных мирах?

Бурман прикрывает глаза и начинает вещать про кентавров, которые терпеть не могут, когда их называют лошадьми. Про драконов с аллергией на золото, про живые стеклянные шары, что бьют молнией в любого, кто косо посмотрит...

Говорит обстоятельно, с чувством, с толком, с расстановкой. Видно, что не первый раз рассказывает.

Пока слушаю его, достаю тарелки, раскладываю кашу и думаю, как много миров свалилось на мои плечи. И тут мне в голову приходит мысль.

– Бурмашик, а ещё Хранители здесь есть? Или мы вдвоём со всеми мирами должны справляться?

Ставлю одну тарелку на пол и тут же ловлю осуждающий взгляд кота. Жёлтые глазищи смотрят на меня с таким выражением, будто я ему эту кашу на пол навалила и ещё ногой сверху наступила.

Молча возвращаю тарелку на стол.

– Ложку-то дай, – вздыхает он. – Я ж тебе не животное какое.

Давлю смех, кладу в тарелку деревянный черпачок и расширенными глазами наблюдаю, как кот становится на задние лапы и начинает смачно уплетать кашу, ловко орудуя ложкой. Челюсть у него двигается совсем по-человечески, и лапа держит черенок уверенно, словно он всю жизнь этим за-

нимался.

В принципе, пора уже перестать удивляться. Коту почти девять веков, вполне мог научиться.

Беру свою тарелку, сажусь на кровать, тоже ем. Каша, кстати, вышла что надо. В меру густая, в меру сладкая, молочная. Не зря меня бабушка в печке готовить учила.

Пока не спеша ем, кот уже опустошил свою тарелку, и теперь с вожделением смотрит на пустой чугунок.

– Ну почему вдвоём? – облизнув усы, всё-таки отвечает на мой вопрос. – Есть тут Хранители. Леший на западе, Водяной на востоке, Кикимора на болотах, на юге Русалка, в горах Кощей. У каждого своя территория и свои границы.

О, так мы тут всё-таки не одни. Уже радуется.

– А в гости к ним ходить можно? – оживлённо спрашиваю, доев кашу и споласкивая под умывальником посуду.

– Можно, – кот задумчиво чешет за ухом. – Но лучше не стоит.

– Это почему?

– Ну, тут такое дело... – вздыхает, – прежняя Ягуня, твоя предшественница, со всеми переругалась. Ещё лет сто назад. Почти сразу же, как на службу заступила.

– То есть сто лет ни с кем не общалась?

– Ну, со мной общалась, – он дёргает усами. – Со мной не общаться невозможно, я куратор. А с остальными – да, в контрах.

– А чего поругалась? – убираю посуду, прикрываю в печи

заслонку, сажусь на кровать.

Бурман отводит глаза и начинает вылизывать лапу. По его морде ясно видно – тема скользкая.

– Бурма-ан... – зову. – Говори.

– Да как тебе сказать...

– Как есть.

– Ладно, – он снова вздыхает. – Ты уж прости, но предыдущая Яга была... Как бы это помягче... Слегка упёртая. Нет, вру. Сильно упёртая. Из тех, кто считает, что лучше всех всё знает. В той-то жизни она старостой в какой-то деревне была, всеми командовала. Вот и тут... Заступила на службу и первым делом помчалась всем указывать. Явилась к Лешему и заявила, что в его лесу нормального дерева не сыщешь, один валежник. Водяному предъявила, что у него в реке вода воняет, мешает ей природой наслаждаться. Кикимору обвинила, что её комары на нашу территорию залетают и спать мешают. Ну и понеслось.

– Что?

Кот отрывается от лапы и смотрит на меня с какой-то обречённой мудростью.

– Леший назвал её выскочкой и запретил ходить на свою территорию. Она обиделась и будто бы случайно упустила парочку големов. Так те, пока их поймали и обратно в свой мир загнали, поломали у него столетние дубы. Целую рощу. Тому пришлось в другую рощу жить перебираться, а там овраг рядом, ему дует. Водяной ей в отместку осушил ручей,

что к нашей избушке тёк. Так Ягуня к нему за это бобров наслала, а те в реке запруду устроили, течение изменили, и вода прямо в болото к Кикиморе потекла, дом её подтопила. Та сразу раскричалась и наслала на наш лес туман, да такой, что Икуня неделю из него выбраться не могла. Мы до сих пор иногда в этот туман попадаем.

– Ох, ничего себе! – всплёскиваю руками. – Вот это подружились с соседями. Но я-то тут при чём? Я же не она.

– Это ты им скажи, – Бурман щурится. – Те Хранители давно отправились в новые миры, но сменщикам своим Ягу-не пакостить завещали. Так что ты тут для всех враг номер один. Кроме меня, конечно. В общем, если в лес пойдёшь, к болоту или к реке, не удивляйся сюрпризам.

– Удивляться не буду, – задумываюсь. – Но дипломатические отношения налаживать надо. А что с Кощеем? Ему она как подгадила?

Поднимаю глаза на кота и вижу, как сужаются его зрачки. Он молчит так многозначительно, что я начинаю подозревать неладное.

– Бурмаша, что ты скрываешь? – спрашиваю вкрадчиво.

– Да ничего я не скрываю, – кот сворачивается клубочком на табурете, прикрывает нос хвостом. – Замуж она за него хотела, прохода не давала.

– А он?

– “А он, а он...” А что он? – недовольно бормочет кот. – У него с той стороны границы Русалка есть. Так что ему моя

Ягуня не сдалась. Даром, что идейная была. Прямо как он. А вот не сладилось у них.

Вот тебе и Межмирье. Вроде как и не считается миром, а всё одно и интриги есть, и разбитых сердец избежать не удаётся.

– Ягуня, – зевает кот, – ложись-ка ты спать, темнеет уже. Завтра день большой. Будем осваивать Зеркало Миров и проверять периметр.

Смотрю в окно. Там шумит ветерок, гнёт верхушки сосен и берёз. Ёлки покачивают в такт ветками, прощаясь до утра с солнышком.

Бурман свернулся клубком, и до меня уже доносится его мерное басовитое мурчание.

Ложусь на жёсткую кровать, укрываюсь колючим одеялом и думаю о том, что мир здесь интересный. И почему-то мне совсем не жаль, что я здесь оказалась. Хоть такая, а всё-таки жизнь. Лучше, чем под колёсами автомобиля.

И пусть у меня здесь минусовая репутация, дипломатические связи мы наладим. Для этого у меня есть ещё целых сто лет.

Глава 4

Просыпаюсь от громкого звона.

Сначала вообще ничего не понимаю. В голове каша, перед глазами мутная пелена, а где-то над ухом надывается какая-то сирена.

– Вставай, чего разлеглась?! – пополам со звоном в уши врезается басовитый ор.

– Что случилось? – с трудом разлепляю глаза.

Бурман носится по избушке как ошпаренный, прыгает ко мне на кровать, тычет когтем в сторону чана:

– Ягуня, быстрее! Сигналка сработала.

Подскакиваю, в один миг просыпаясь и подрываясь с кровати.

– Что делать-то?! – паникую, заталкивая ноги в мягкие калоши.

С перепугу все нравоучения забыла.

– Заноси ладони над чаном, смотри в Зеркало Миров. Спрашивай, где образовалась прореха.

Подбегаю к чану, заношу ладони. Вода в нём идёт рябью, темнеет, а потом словно расступается, и я вижу чёткую объёмную картинку. Как с дрона, только поверх неё тонкими линиями прорисована карта.

В восточной части леса воздух дрожит и плавится, как над

костром. И в этом мареве угадывается что-то огромное, чешуйчатое, с проблесками алого и золотого. Карта пишет название мира и координаты.

– Ну?! Что там? – торопит меня кот, прыгая с табурета на стол и обратно. – Говори, не томи!

– Граница Драконьего мира, – растерянно читаю.

– Драконьего?! – кот округляет глаза так, что они вот-вот лопнут. – Прожгли, что ли? Если драконы к нам прорвутся, тушить будем всё. И себя в том числе. Какой размер прорехи?

– Не знаю! Метра три в диаметре, может, больше. Там прямо дыра.

– Координаты, – командует кот

– Сектор семь, зюйд-зюйд-вест.

– Икуня-а-а! Маршрут построен! Бегом марш! – орёт Бурман не своим голосом.

Избушка издаёт скрип, который при желании можно принять за боевой клич, вздрагивает и неожиданно срывается с места.

Не успеваю даже охнуть, как меня швыряет назад, прямо в стену.

– Держись за что-нибудь! – орёт Бурман, вцепившись когтями прямо в пол.

Цепляюсь за сундук. От ужаса и тряски не могу закрыть глаза

За окном мелькают сосны, берёзы, кусочки звёздного

неба. Избушка несётся вскачь, то подпрыгивая, то жёстко приземляясь на обе ноги.

Ощущение, будто я нахожусь в вагоне поезда, а рельсы положить забыли, поэтому он мчится прямо по шпалам. И злой машинист только и делает, что поддаёт в топку дров.

– Долго ещё?! – ору, пытаюсь не прокусить язык.

– Икуня шустрая. Недолго, – басит Бурман, распластавшись по полу и прижав уши. – Готовься! Как только тормознём, прыгай. Я следом. Твоя задача – залатать дыру. Я скажу как.

Избушка делает последний прыжок и встаёт как вкопанная.

– Давай! – Бурман бросается к двери.

Думать и переживать про отбитые коленки некогда. Подрываюсь, несусь открывать дверь.

Пролетаю над крыльцом в один взмах ноги – покруче иной балерины, чесслово, и... замираю.

Кармическая сила... Это что?..

Прямо перед нами, метрах в двадцати, в воздухе висит та самая дыра. Края у неё оплавленные, светящиеся, как будто кто-то прожёл пространство гигантской головешкой. А изнутри, из алого марева, торчит когтистая чешуйчатая лапа размером с хорошее бревно.

– Успели, – выдыхает Бурман. – Теперь слушай внимательно. Подходишь, выставляешь руки вперёд...

Договорить он не успевает. Лапа исчезает, а взамен в дыре

показывается огромная рогатая голова золотистого цвета. В янтарных глазах пляшут отголоски пламени, в пасти сверкают острые белоснежные клыки, из ноздрей тянется тоненькая струйка дыма.

Блин горелый! На нас смотрит самый настоящий дракон!

– Здрасьте... – выдыхаю я, от ужаса даже не слыша, что мне орёт кот. – Пожалуйста, не жгите нас...

Янтарные глаза расширяются, дракон открывает зубастую пасть и вдруг говорит тихим уставшим голосом:

– Простите, но я не собирался вас жечь. Я провалился к вам случайно. Скажите, у вас тут нет какого-нибудь бюро путешествий? Дело в том, что я немного заплутал, и не знаю, куда лететь дальше...

Оглядываюсь на зависшего с отвалившейся челюстью Бурмана и смелею.

– Бюро путешествий нет. А вы куда летели? – спрашиваю золотого дракона.

Он тяжело вздыхает. Из ноздрей вырываются густые струйки дыма.

– Видите ли, у меня небольшая проблема, – говорит с лёгким присвистом, словно у него внутри печная труба, по которой гуляет ветер. – Я летел в гости к другу. Понимаете, мы не виделись лет пятьсот, и я, кажется, подзабыл дорогу, свернул не туда. Летел-летел, а тут край мира...

– Не там свернули – это я уже поняла, – киваю. – А дыру-то зачем прожгли?

Дракон отводит глаза, стыдливо хлопает ресницами.

– Это я от нервов, – признаётся почти шёпотом, выпуская из ноздрей новые клубы дыма. – Понимаете, я когда расстраиваюсь, у меня сразу рефлекс срабатывает. Упустил чуть-чуть пламени – самую малость – и попал в границу. Я не хотел, честное слово. Мне бы карту посмотреть. Ну, или хотя бы рукой показать, куда лететь. Вы случайно не знаете?

Он скромно потупляется и вздыхает как смертельно уставший человек. Становится его невероятно жалко.

– Яга, – пихает меня в ногу пришедший в себя Бурман, – давай латать дыру. Потом извинения принимать будем. Сейчас главное, закрыть, пока ещё кто не пролез.

Но я не слушаю. Потому что вижу, что дракон – не враг. Да и не лезет он к нам, терпеливо ждёт ответа.

Можно залатать дыру, и большой, уставший дракон будет ещё долго плутать в поисках друга, а у меня, между прочим, есть волшебный чан, который показывает что угодно в пределах моей территории. А может, и за её пределами тоже?

– Подождите, пожалуйста. Я проверю кое-что, – прошу дракона, игнорирую кота и бегу в дом.

Провожу над чаном ладонями, как учил кот, и громко ору через плечо:

– Как зовут вашего друга?

– Аррантариэль-изумрудный-гребень-что-над-облаками-парит! – выпаливает дракон на одном дыхании и с надеждой добавляет: – Он в Серебряных горах живёт. Это где-то

на юго-западе, но я, кажется, перепутал юг с севером...

– Покажи нам Серебряные горы, где живёт Арнар... Анггар...

– Аррантариэль-изумрудный-гребень-что-над-облаками-парит, – едва слышно подсказывает Бурман, незаметно оказываясь рядом. – Ягуня, ты чего творишь? Это не наше дело. Наше дело – дыры латать и чужих не пускать.

– Бурмаша, я просто попробую. Нужно помочь, понимаешь? – отмахиваюсь и скороговоркой проговариваю языколомательное имя драконьего друга.

Вода в чане идёт рябью, темнеет, а потом проявляется картинка: горы, действительно серебряные, с белыми вершинами. На одной из вершин сидит изумрудный дракон с переливающимся гребнем.

– Как туда добраться? – спрашиваю я, и по карте тут же пунктирной линией прорисовывается направление и проявляются координаты.

А что, если дракон не знаком с навигацией?

– Пожалуйста, объясни обычным языком, – прошу чан и – о, чудо! – он пишет.

Старательно запоминаю описание и саму карту, а после бегу обратно. Бурман несётся за мной.

– Значит так, уважаемый, – торможу напротив терпеливо ждущего дракона, ваш Арнар... Аран... Арман... Короче, друг ваш живёт на третьей вершине Серебряных гор. Летите строго на юго-запад, пока не увидите Синий лес. Там

свернёте налево под прямым углом и летите ещё до Черной речки. Как только увидите Хрустальный мост, возьмите ещё немного левее, и у Бездонного ущелья поверните направо. Там главное держаться верхнего яруса. Ниже не спускайтесь – там граница с мавками, а они не любят гостей. Пролетите вёрст сто по прямой, вот вам и Серебряные горы. Всё поняли?

В янтарных драконьих глазах загорается радость.

– Верхний ярус! Точно! – он шумно дышит, изо рта вырывается пламя и бьёт прямо в землю.

Мы с Бурманом едва успеваем отпрыгнуть.

– Осторожней! – зло шипит кот, нервно подёргивая шкурой. – Спалите нам Межмирье.

– Простите... – смущается дракон. – Это я от волнения. Спасибо вам огромное, госпожа... э-э...

– Яга, – представляюсь, поднимаясь и отряхивая подол. – Баба Яга. Можно без госпожи.

– Очень приятно. А я – Картараниэль-золотое-крыло-что-белый-свет-освещает. Если вдруг будете в Драконьем мире, заходите в гости. У нас хорошо. Жарко только.

– Непременно, – киваю. – А теперь, будьте добры, уберите вашу голову с нашей стороны и дайте мне дыру заделать. А то, знаете ли, я тут человек новый, и мой куратор нервничает.

– А вам золото не нужно? – внезапно смущённо интересуется дракон. – Просто так отдам. У меня на него аллергия,

понимаете ли, а оно всё притягивается и притягивается из недр, в пещеру уже не войдёшь...

Спроси он меня об этом в прошлой жизни, я бы... Эх, размахнись рука, развернись плечо! Да я бы таких дел наворотила, столько бы людей осчастливила. Я бы эх, ух, ох и оп-ля, вуаля!..

А сейчас...

– Эм... Нет, спасибо, – развожу руками. – Мне его тут и тратить-то негде. Если только обратно в землю закапывать.

– Да? Жаль, – дракон вздыхает и убирает голову обратно в марево. – Ещё раз простите. И спасибо. Вы очень любезны...

– Счастливого пути, Картараниэль-золотое-крыло-что-белый-свет-освещает, – машу ему рукой.

Дракон кивает, на удивление грациозно для такой туши разворачивается и исчезает в алом мареве, а я подхожу к дыре.

– Бурман, что делать-то? – интересуюсь, деловито осматривая всё ещё плавающие и расползающиеся края.

– Ладони к прорехе поднеси, – командует кот. – Представь, как края сходятся. Как будто рану зашиваешь, только силой мысли.

Подхожу к дыре вплотную. Воздух вокруг неё горячий, дрожащий. Протягиваю руки и закрываю глаза.

Представляю, как края прорехи притягиваются друг к другу. словно нити пространства сшиваются невидимой иглой, и ткань миров снова становится целой.

Под ладонями разрастается тепло, оно нарастает, но не обжигает, а потом воздух перестаёт дрожать.

Открываю глаза и не вижу никакой дыры. Только лес, утренний туман и запах гари, который быстро развеивается ветром.

– Неплохо для первого раза, – хвалит меня Бурман и тут же начинает пенять на нарушение устава.

– Какого устава? Что я нарушила? – вытираю ладони друг о друга.

– Нельзя было тянуть, – высказывает кот, следуя за мной в дом. – Ты должна была сразу же залатать дыру, и всё.

Прохожу к умывальнику, мою руки, брызгаю водой на лицо.

– Бурманчик, дорогой, – говорю ласково, – у вас какие отношения с Драконьим миром?

Кот запрыгивает на табурет, рассматривает меня немигающим взглядом.

– Никакие.

– Вот видишь, –ставляю вверх указательный палец, – а у меня теперь “какие”. Дипломатическое потепление – слышал про такое? Нет? Ну вот, будем с тобой налаживать мосты с другими мирами. А там, глядишь, и с соседями помиримся. Мне же сначала тут целый век жить, а потом мир выбирать.

– Что ты задумала, женщина? – с подозрением тянет Бурман.

Поворачиваюсь к нему и подмигиваю:

– Ничего плохого. Ты верно заметил, Бурмаша, я – девочка. Поэтому хочу померить всё.

Глава 5

Следующие несколько дней в Межмирье стоит тишина. Чан не звенит, сквозь границы прорваться никто не пытается. Мы с Бурманом потратили день, прокатившись по окрестностям и проверив всё, что можно проверить. И теперь занимаемся бытом.

Ску-ко-та!

Стоит вспомнить динамику моего мира, где время настолько скоротекущий и невозполнимый ресурс, что в сутках должно быть сорок пять часов, чтобы всё успеть, как сразу становится понятно – я так долго не протяну.

Интернета нет, работы временно нет, а повседневных дел кот наплакал. И чем тут заниматься?

За эти дни я отмыла избушку до скрипа, смазала ей лапы машинным маслом, даже полирнула коготочки найденной пилкой, побелила печь, перестирала всё, что можно перестирать, и даже немного обкосила полянку, на которой мы временно обосновались.

На этом моя фантазия исчерпалась, и я наконец вспомнила, что собиралась пойти в лес. Ага, за грибами.

Конечно, с Бурмашей. Куда без него? Как куратор, друг и бесплатное радио он оказался незаменим. Если бы не его постоянная болтовня, немного ворчливые, но нужные под-

сказки, а также байки про их приключения с прежними Ягунями, я бы чокнулась уже в первые сутки. А так получилось и полезно, и интересно – пока я делаю дела, он меня забавляет и просвещает.

Вот только сегодня все дела закончились. Ну не белить же печь по второму разу? Да и Икуне моя чрезмерная забота уже поперёк гребня... или козырька. Или как там у курочки-избушки эта штука правильно называется? Ладно, не суть важно. Короче, достала я её гиперзаботой. А меня достала скука.

– Ну всё, – заявляю, скидывая фартук и швыряя его на табурет. – Ещё один день без движений, и я начну учить Икуню разговаривать.

Избушка вздрагивает так, что я подпрыгиваю, а Бурман, который до этого важно вылизывал лапу, падает с табурета на пол.

– Чего ты там опять задумала? Что тебе плохого сделала бедная избушка? – недовольно бубнит он, соскребая себя с пола и запрыгивая обратно.

– Скучно мне! – сообщаю, выковыривая из-за печки небольшую плетёную корзину.

Потрясаю её в воздухе.

– Скучно! – фыркает кот, наблюдая за моими метаниями по дому. – Ну хочешь, я тебе лекцию про классификацию упырей прочитаю. Там часа на три, как раз до обеда хватит.

Мне на секундочку даже хочется согласиться. Вот до чего доводит отсутствие хоть каких-нибудь дел!

Ну нет, я уже настроилась на поход.

– Упыри подождут, – заплетаю потуже косу и накидываю поверх цветастую косынку. – Заодно ещё парочку модных костюмов придумают из каких-нибудь еловых шишек и гвоздей. А я лучше в лес пойду за грибами.

– И зачем они тебе? – Бурман округляет глаза и смешно топорщит усы. – Во-первых, в сундуке еда есть. А во-вторых, никто эти грибы до тебя не собирал. Вдруг они ядовитые?

Подхватываю корзинку, упираю руки в бока.

– Да с чего бы? – тяну насмешливо. – Я ж не за мухоморами пойду. А подосиновики – они и в Межмирье подосиновики. И вообще, могу я просто прогуляться? Надоело мне в Икуне трястись, хочу ногами по земле походить, лично подведомственную территорию осмотреть. А не только через чан или из окна Икуни.

Избушка на мои слова обиженно скрипит.

– Прости, дорогая, – поглаживаю стену, – к тебе у меня претензий нет. Просто ещё пара таких недель, и я сама продаю где-нибудь дыру, посмотрю, где что почём, чем иномирцы живут.

А всё почему? Потому что после дракона я в чужие миры с помощью чана заглянуть не смогла, сколько ни старалась. Из чего сделала вывод, что чану нужен какой-то проводник, чтобы открыть просмотр. Вот был дракон – открылся Драконий мир, была бы мавка – я бы к ним заглянула. А без них я только свою территорию могу осмотреть. Но за дни я это

уже сто раз сделала и ничего интересного не нашла – леса, поля да пересохшая речка. Ну, овраг ещё с краю, там, где начинается территория Кикиморы.

Бурман от моих последних слов закашливается и нервно стучит хвостом по полу, чем нервнрует Икуню. И меня. А ну как пробьёт дырку в полу? Оно-то хорошо, дырка эта, вот только там не другие миры видны, а только кусочек земли с травкой. Скука.

– Ягуня, ты палку-то не перегибай, – хрипит кот, едва к нему возвращается голос. – Деятельная больно. Дырку она проделает. А ну как прознает кто, что ты тут несёшь, обвинят во вредительстве и аннулируют.

– Пускай только попробуют, – усмехаюсь, – я на них такую жалобу накатаю, мавки обзавидуются. Ну что, Бурмаша, ты со мной?

Выхожу на крыльцо, жду, придерживая дверь.

Кот вздыхает, будто на него свалили самую тяжёлую миссию во всех мирах, но спрыгивает с табурета и встряхивается.

– Ладно, – ворчит. – Но если что, я твои слова не слышал. И обойдём только край леса. Если дальше полезем, Леший осерчает. И к болоту не пойдём, нечего Кикимору нервировать.

– Договорились, – спрыгиваю со ступеньки, иду в сторону леса. – Не переживай, постараюсь вести себя как образцовая баба Яга. То есть не шуметь, не шуршать и длинный нос ни-

куда не совать.

Ага-ага, как получится.

Икуня тихонько поскрипывает и наклоняется, словно желает нам приятной тихой охоты.

– Не скучай. Мы скоро придём, – кричу ей, ныряя между деревьев.

Лес встречает нас запахом хвои, сырости и чего-то неуловимо волшебного. Под ногами пружинит мох, между деревьями мелькают солнечные пятна, а где-то вдалеке ухнет невидимая птица. Кажется, будто воздух тут настоян на сказках, и вот-вот из-за ближайшего куста к нам выйдет какой-нибудь богатырь. Но в лесу естественно никого, кроме нас с Бурманом, нет.

Некоторое время мы действительно идём вдоль леса, но из грибов здесь только ярко-красные мухоморы, поэтому я незаметно начинаю углубляться.

– Эй, туда не ходи, – останавливает меня Бурманчик. – Это слишком далеко.

– А я там гриб вижу, – вру без зазрения совести. – Вон, видишь, под той сосной что-то мелькает.

Скачу вглубь зайцем, пока кот не развопился на всю округу, и через несколько метров действительно нахожу гриб.

– Нашла! – восторженно воплю, аккуратно выкручивая из земли большой толстоногий боровик. – Смотри, Бурмаша, нам этого на полный чугунок супа хватит.

Кот усмехается в усы, но больше не комментирует. Види-

мо, его тоже достало полуголодное существование на одной каше, яйцах и изредка – щах из перекишенной капусты.

Мы проходим дальше, и буквально через несколько шагов нам попадаетесь целый пяточок с лисичками. Я забываю обо всём. Собираю их в корзинку, мысленно прикидывая, какую царскую яичницу сегодня сварганю.

Бурман вначале нарезает вокруг меня круги, хмурит брови, но мой восторг постепенно захватывает и его. Он подкапывает грибы и начинает по одному складывать их в корзинку.

Мы так увлекаемся, что не замечаем, как вокруг что-то меняется. Воздух становится гуще и тяжелее, словно перед дождём.

Поднимаю голову, осматриваясь, но не замечаю ничего.

– Бурман... – тихо зову кота, увлечёвшегося выкапываем очередного гриба. – А это нормально?

Он замирает, поднимает запачканный землёй нос, нюхает воздух и вдруг резко дёргает ушами и гулко бьёт по земле хвостом.

– Не-а, – шипит, вздыбливая на загривке шерсть и становясь дугой. – Это не нормально. Это туман Кикиморы. Тот самый. Помнишь, я говорил, что мы с прежней Ягуней неделю из него выбирались?

– Помню, – сглатываю, чувствуя, как по спине бежит холодок. – И что теперь делать?

– Бежать! – командует кот. – Давай Ягуня, пока он не по-

добрался слишком близко.

Хватаю корзинку и подрываюсь в сторону, где, как мне кажется, должен быть выход из леса.

Несусь стрелой, Бурмаша мчится рядом, подгоняя меня и время от времени ударяя хвостом по попадающемуся на пути какому-нибудь сухому дереву, словно пытается валежником остановить уже наступающий нам на пятки плотный молочный туман.

Лес за нашими спинами шумит протестующе, и мы ускоряемся.

– Говорил же, не надо так глубоко заходить, – ворчит Бурманчик, перепрыгивая попавшийся на пути пенёк. – Нет же, грибов ей захотелось.

Не отвечаю, чтобы не тратить дыхание, мчу вперёд. Туман уже почти цепляется за пятки, накатывает плотной вязкой волной, обволакивает соседние деревья, съедает солнечные пятна и делает мир плоским, как старая фотография.

В какой-то момент протягиваю руку и не вижу собственных пальцев. А ещё понимаю, что либо мы забрались слишком глубоко в лес, либо не туда бежим, потому что до сих пор не выскочили на полянку.

– Бурман, ты знаешь дорогу? – ору в белёсую мглу и... не получаю ответа.

Останавливаюсь, оглядываясь, и понимаю, что стою прямо в центре молочного киселя.

– И что теперь? – спрашиваю негромко, потому что кри-

чать, как я понимаю, бесполезно – туман будто впитывает все звуки. – Где мне искать выход?

Вспоминаю, как учила бабушка – если в лесу заплутал, не суетись и не кружи. Чем больше кружишь, тем сильнее запутываешься.

Медленно иду вперёд, ошупывая пространство перед собой, но с каждым шагом кажется, что лес словно стирает дорогу. Деревья, которых я касалась секунду назад, исчезают, будто их и не было.

– Уважаемая Кикимора, – обращаюсь к туману, когда очередное дерево исчезает прямо под рукой, – я понимаю вашу обиду. Если бы мой дом затопили, я бы и не так обиделась. Да я бы не знаю что сделала. Но всё дело в том, что я вас не обижала. Я в Межмирье совсем недавно и даже не знакома с вами, хотя мне бы очень хотелось познакомиться и заиметь подругу. Здесь, знаете ли, скучновато. А мы же с вами девочки и всегда найдём, о чём поболтать за чашечкой чая. Мужиков обсудить, погоду там, тряпки...

Замолкаю, проглотив оставшиеся слова, потому что туман передо мной неожиданно сгущается в такую плотную стену, что не даёт сделать шаг, а потом неожиданно расходится, и передо мной из тумана выступает высокий мощный силуэт.

Смотрю на остановившегося напротив меня мужчину. Светлые, немного длинноватые волосы мягкими волнами спускаются к широким плечам, молодецкая грудь выпирает колесом, натягивая простую рубаху, светлые глаза с лёгким

прищуром смотрят на меня из-под широких красивых бровей, кудрявая бородка не скрывает ямочки, проступившие на щеках от лёгкой улыбки.

– Ну здравствуй, Яга, – гремит богатырь. – Чего расшумелась?

– Я не шумела, – ставлю корзинку, делаю шаг вперёд, протягиваю руку для рукопожатия. – Здравствуйте. Рада познакомиться. Я – новая баба Яга. Первую неделю на посту. Знакомлюсь с территорией, заодно вот, – киваю за спину, – грибов решила насобирать. А вы, простите, кто? Богатырь какой-нибудь местный? Странно, но Бурман мне про вас не рассказывал.

– Я – Леший, – расплывается в широкой улыбке богатырь, жмёт мне руку. – Сосед твой. А ты, значит, с Кикиморой решила подружиться?

– Решила, – киваю, – почему нет? Знаю, прежняя Яга со всеми поругалась. Но ведь это была не я. Я предпочитаю жить со всеми мирно. Кстати, не хотите ли чаю? У меня и мята есть. Вчера вокруг избушки косила, несколько веточек сушиться повесила. Только, если можно, сначала проводите меня до полянки. Вам, я смотрю, туман не страшен, а я тут немножко заблудилась и куратора своего потеряла.

– Чаю? – задумывается Леший, а потом кивает. – Можно и чаю.

Он машет рукой и – о, чудо! – туман вокруг нас расходится.

Подхватываю корзинку, но красавчик, косая сажень в плечах, галантно её у меня отбирает.

– Негоже женщине тяжести таскать, – заявляет он.

– Спасибо, – благодарю с чувством и иду вслед за богат... тьфу ты, иду за Лешим.

Ну это же надо, а? А я думала, у Лешего нос сучковатый, руки из веток, на голове воронье гнездо, сам на чурбачок похож. А он вон какой – великолепнейший образчик славянской культуры, любо-дорого посмотреть.

И если Кощей тоже не совсем кощей, не скелет в смысле, то я отлично понимаю, почему моя предшественница возжелала за него замуж выйти. Я бы, например, и за этого возжелала, вот только мы с ним мало знакомы. И...

Стоп. О чём это я тут думаю? Сказка вообще-то 16+.

Идём мы по лесу ещё несколько минут, а потом Леший оборачивается, протягивает мне руку.

– Здесь осторожно, бревно.

Берусь за его ладонь, чтобы опереться, и в этот момент что-то с диким рёвом бросается между нами, впивается в богат... да что ж такое... впивается в Лешего и валит его на землю.

– Не смей обижать мою Ягуню! – не своим голосом рычит Бурман, высоко задирая хвост и пытаясь ударить им противника. – Я тебе за неё глаза выцарапаю.

– Бурман, ты белены объелся? – грозно вопрошает Леший, перехватывая кота за шкурку.

– А ты совсем страх потерял! Не позволю обижать мою Ягуню! – отплёвывается кот, изворачиваясь и пытаюсь вцепиться в руку своего поработорителя. Причём, рычит так грозно, что даже у меня поджилки трясутся. – Я на тебя докладную напишу!

– Бурман, угомонись, – внезапно раздаётся прямо у нас над головой. – Никто твою подопечную не похищал. Мы её из тумана выводим.

Задираю голову и рассматриваю сидящую на нижней ветке дерева рыжую белку.

– Добрый день, – она вежливо машет хвостом, – меня зовут Миранда. Я – куратор Лешего.

Бурман замирает с поднятой для удара лапой.

– Так ты... А я... А она... – он переводит взгляд с меня на Лешего и обратно. – То есть похищения не было?

– Не было, – отвечаем ему хором.

Леший аккуратно отпускает Бурмана, и тот сразу же начинает нервно вылизывать лапу.

Миранда тем временем ловко спрыгивает с ветки прямо Лешему на плечо и обвивает его шею пушистым хвостом.

– А ты совсем не такая, как другие Ягуни, – сообщает она мне. – Даже Кикимору впечатлила.

– А она здесь? – смотрю за спину, но никого не вижу.

И тут из тумана, который всё ещё клубится за нашими спинами, доносится приглушённый женский голос:

– Где ж ещё мне быть? Это же мой туман.

Из белой молочной мглы выплывает невероятной красоты женщина, настоящая восточная княжна.

Длинные чёрные волосы распущены и тяжёлыми локонами струятся по спине, большие тёмно-карие глаза в обрамлении пушистых ресниц смотрят немного недоверчиво, но заинтересованно. Чёрные изогнутые брови и коралловые пухлые губы добавляют образу чувственности, а длинное широкое платье не скрывает стройную фигуру.

– Я не против выпить чая с мятой, – Кикимора идёт так плавно, словно под ногами нет ни ямок, ни коряг. С её плеча блестящими стекляшками глаз на нас косится огромный чёрный ворон. – Познакомимся поближе, обсудим всё, что ты обещала обсудить. Я в Межмирье уже третий десяток лет и, честно говоря, немного отстала от современной жизни. Общаюсь чаще всего только с Картаном.

– Картан, – внезапно представляется ворон, галантно склоняя голову.

Ого, какие манеры.

– Баба Яга, – приседаю в неуклюжем реверансе. – Приятно познакомиться, Кикимора и Картан.

– Ну всё, обмен любезностями закончен? – недовольно роняет Бурман. – Теперь можно убрать туман?

Кикимора кидает на него насмешливый взгляд, взмахивает рукой, и туман рассеивается.

С удивлением наблюдаю свою избушку. Она стоит на краю леса, всего в десятке шагов от нас, и нервно перебирает ла-

пами.

– Приглашаю вас всех к нам с Бурманом в гости, – вежливо указываю на Икуню.

Избушка, заметив гостей, приседает в подобии книксена.

– Икуня, ты что, и так умеешь? – потрясённо распахиваю глаза.

– Она много чего умеет, – ворчит Бурман, первым направляясь к двери. – Особенно когда чужих мужиков в дом ведут.

Леший за моей спиной сдавленно кашляет.

А Кикимора, поравнявшись со мной, вдруг наклоняется к уху и шёпотом спрашивает:

– Так что ты там говорила про мужиков? Обсудим?

Глава 6

Жарю на печке яичницу с грибами, пока Кикимора нарежет хлеб и заваривает мятую.

Бурман, всё ещё недовольный количеством гостей, сидит на подоконнике и следит за каждым их движением. Особенно почему-то прицепился к Лешему, который, надо отдать ему должное, как раз-таки ведёт себя безупречно.

Сначала он, как настоящий мужчина, растопил печь, потом наколот щепок и развёл самовар, а теперь чинно-благородно занимает единственный табурет, строгаёт из веточек вилки для всех и ждёт свою порцию лесных даров. Сказочно повезло, что сегодня утром в сундуке я обнаружила целую корзинку яиц, иначе пришлось бы кормить гостей уже надоевшей кашей. Хоть и с грибами.

Кстати, нужно будет написать в Лукоморье, чтобы увеличили список продуктов. В конце концов, мы тут на свежем воздухе работаем, а значит, аппетит у нас частенько зверский.

Кикимора с удовольствием разглядывает моё скромное хозяйство, и я в который раз радуюсь, как вовремя отдраила избушку. Сколько только пыли из углов да из-под кровати вымела, ужас просто. Всё-таки прежняя Ягуня была той ещё хрюшкой.

– Ну и как тебе у нас, Яга? – спрашивает Картан, деликатно примостившийся у печной трубы. – Осваиваешься?

– Осваиваюсь, – киваю. – Только скучно очень. Дел нет, интернета нет, даже света нормального нет – одна керосинка.

– Какого интернета? – удивлённо вскидывает брови Леший.

– Света? – одновременно с ним произносит Кикимора и моргает длинными ресницами. – О чём ты говоришь, Яга? У нас тут испокон веков так – печка да керосинка. Раньше, говорят, вообще при лучинах служили. И вообще, сырость меня больше беспокоит, чем отсутствие электричества. У меня на болоте такая влажность, что платье третий день сушится, и всё ещё мокрое. А уж про постель я вообще молчу. Каждое утро как из речки вылезаю.

– И гнилью пахнет, – добавляет Миранда, свернувшаяся пушистым клубочком прямо на плече у Лешего.

– И что, ничего сделать нельзя? – интересуюсь. – Пожаловаться, например. Потребовать улучшить условия жизни.

– Жаловались. И я, и предшественницы мои, – Кикимора вздыхает. – Только болото – это же не просто гниющая лужа, это экосистема. В нём ничего исправить нельзя, а мне оттуда нельзя надолго уходить. Вот и получается замкнутый круг.

– А свет ты как подключишь? – спрашивает Леший. – Это же надо провода тянуть. Во всяком случае, пятьдесят лет назад так было, когда я... ну... тавось... сюда попал. Всякие там электростанции строить.

И тут я кое-что вспоминаю.

– Я понимаю, что вы здесь уже давно, – расплываюсь в широкой улыбке, – и в ваши времена всё было по-другому, но в современном мире давно уже придумали генератор. Он даёт электричество без столбов и проводов. А к нему можно подключить обогреватель, фонарь и даже электроплитку. И не надо, чтобы ужин приготовить, три раза в день печь топить.

Тарелок на всех не хватает, поэтому, недолго думая, ставлю сковороду, на которой аппетитно шкворчит яичница с грибами, прямо посреди стола. Садимся на чурбачки, которые Леший примостил нам вместо стульев и некоторое время молча едим.

– Что за генератор? – через некоторое время деловито интересуется Картан, склёвывая лисичку. – Мы о таком не слышали.

– Это такая штука, маленькая станция, – объясняю. – Нажал кнопку, завёл, и в доме тепло и светло.

– Как далеко наука шагнула, – вздыхает Миранда, прожевав кусочек желтка. – И что, всё так просто?

– Ну конечно, просто. Главное, чтобы бензин был, – я тоже перестаю есть, тут же мечтательно разгоняясь. – В мире людей на дворе XXI век, даже в палатках туристических свет есть, а мы тут – Хранители границ, можно сказать, элитные сотрудники Межмирья – живём в условиях, приближенных к пещерным. Даже еда, и та однотипная. Никакой тебе пиццы

или роллов. Банальное мясо по выдаче. А это, между прочим, прямое нарушение трудового договора.

– Там это не прописано, – замечает Бурман.

– Вот именно! – я торжествующе поднимаю вверх палец. – А должно быть! Там, где я работала, если работодатель не обеспечивал нормальные условия труда, на него можно было жалобу подать. И ему выписывали штраф. Они с нас требуют, так мы тоже можем потребовать! Иначе им тоже прилетит штраф.

– Кому штраф, Лукоморью? – фыркает Кикимора. – Яга, ты в своём уме? Кто им штраф выпишет?

– А кто им устраивает головомойку за прорывы? – парирую. – Они же просто ЧОП – частное охрannое предприятие, значит, над ними тоже кто-то есть. Логично же.

Кикимора и Леший переглядываются. Видно, что мысль о генераторе, тепле и свете без дров производит на них неизгладимое впечатление.

– Я предлагаю написать коллективное обращение, – я уже не могу остановиться. – От всех Хранителей. Пусть обеспечат нас генераторами и аккумуляторами. Хотя бы палаточные фонари выдадут. Это же не космический корабль, в конце концов. Фонарь! Маленький! На аккумуляторах!

– И обогреватель, – тихо добавляет Кикимора, разливая по кружкам чай. – У меня на болоте, знаете ли, не только сыро, но и холодно.

– И обогреватель, – соглашаюсь я.

Леший некоторое время молчит, крутит в руках свою чашку, а потом вдруг вздыхает и машет рукой:

– В ЧОПе сейчас не до нас. Там такое творится...

– А что творится? – подаюсь вперёд.

– Кощей с Русалкой опять поцапались, – он ставит чашку на стол. – Да так, что пол-Лукоморья на уши поставили. Ты же знаешь, что у нас ещё два Хранителя есть?

– Знаю, – киваю. – Мне Бурман рассказывал.

– Ну вот, – продолжает Леший. – У Кощея срок службы через месяц заканчивается, а у Русалки – в следующем году. Так они никак не могут выбрать, где потом жить хотят. Последний раз так сцепились, что чуть не подрались. Но территории друг другу испортили. Русалка на Кощея огненные шары наслала, чтобы они ему снег в горах растопили, а Кощей ей в отместку типа упустил водных элементарей, и те чуть не высушили её озеро. Представляешь, что творилось, пока мы всех обратно загнали? У меня аж дубы тряслись, думал, и этой роци лишусь.

Ёшки-матрёшки, какие тут страсти творятся!

– И что теперь? – хмурюсь.

– А теперь идёт большое разбирательство, – он качает головой. – Свидетелей опрашивают, ущерб оценивают, комиссию назначили. Так что Лукоморью сейчас точно не до наших фонарей.

– Ну да, ну да, – грустно качает головой Кикимора, – проблема на проблеме. У них и без Кощея аврал был. Ты же про

вредных мавок знаешь?

– Конечно, – киваю.

– Так вот, месяц назад они прогрызли дыру в моём секторе и пытались мстить светлым духам, а те ребята обидчивые, сразу жалобу настрочили. Мавки на них – встречную. И теперь в Лукоморье разбирают коллективные жалобы, а заодно пытаются понять, кто допустил прогрыз. На меня, кстати, косо смотрят. Мол, не уследила. Может, ещё выговор влепят.

– Но ты-то тут при чём? Ты же их обратно загнала?

– Загнала. А толку? – она всплёскивает руками. – Они пока разберутся, пока то да сё, все нервы вымотают.

– То есть, – перебиваю я, – у них там бардак, а мы должны сидеть без света и без тепла, потому что им “не до наших глупых проблем“?

Леший пожимает плечами, Кикимора отводит глаза, Миранда молча вздыхает.

– Ну уж нет, – я решительно встаю и беру с подоконника карандаш. – Значит так, я сейчас напишу коллективное обращение, а вы меня поддержите.

– А нас не аннулируют? – осторожно спрашивает Картан.

– За что? За то, что мы просим палаточный фонарь? – усмехаюсь. – Да если они попробуют нас аннулировать за это, я на них такую жалобу накатаю, мавки от зависти сгрызут друг друга. У меня, знаете ли, опыт. Я в своём мире такие письма строчила, коммунальщики до сих пор икают.

Кикимора первая поднимает руку, голосуя:

– Я – за. Хотя просушиться попробую.

Леший некоторое время колеблется, но потом тоже тянет руку.

– Ладно. Обогреватель и мне не помешает. А то зимой в лесу знаешь как бывает? Дубы трещат от мороза, и я вместе с ними.

Бурман, который всё это время молчал, вдруг басовито произносит:

– Ягуня, ты, конечно, сумасшедшая, но я с тобой. За девять веков я заслужил получать мясо каждый день. Хищник я, в конце концов, или нет?

Картан тянет вверх крыло, Миранда тоже поднимает лапу.

– Единогласно, – усмехаюсь я и начинаю строчить:

Уважаемое ЧОП “Лукоморье LTD”,

Мы, нижеподписавшиеся Хранители границ Межмирья, обращаемся к вам с коллективной просьбой...

Пока я старательно вывожу буквы, Леший подсказывает про отопление, Кикимора добавляет про сырость, Бурман – про “девятьсот лет без единого фонаря и мяса от пуза“, а Миранда и Картан – про современные реалии, которые нас почему-то не касаются.

Через полчаса обращение готово.

Перечитываю его вслух, и мы все хохочем. Особенно над строчкой: *“...условия нашего проживания не соответствуют не только XXI веку, но и элементарным представлениям о комфорте, принятым даже в пещерах каменного века, где,*

по неподтверждённым данным, уже использовали огонь для обогрева и освещения“.

– Отправляй, – командует Бурман.

Кладу листок на стол и требовательно заявляю:

– Уважаемые работодатели, у нас тут к вам дельное предположение. Прошу ознакомиться под подпись и прислать ответ.

Прямо на наших глазах бумага исчезает.

– Ну вот, – обвожу всех довольным взглядом. – Теперь осталось только подождать.

Ждать пришлось недолго. Буквально через полчаса перед нами появляется ответ.

Зачитываю вслух:

Уважаемые Хранители!

Ваше обращение рассмотрено. Сообщаем, что в настоящий момент бюджет ЧОП “Лукоморье LTD” на текущий отчётный период распределён и утверждён. Обеспечение Хранителей генераторами, аккумуляторами, палаточными фонарями и т.д. признано нецелесообразным ввиду:

а) отсутствия утверждённых нормативов освещённости и отопления для нестационарных объектов Хранителей;

б) отсутствия в штатном расписании должности электрика;

в) повышенного риска возгораний и коротких замыканий в условиях эксплуатации деревянных построек, не обрабо-

танных противопожарными средствами и не предназначенных для подключения электрооборудования;

г) мясо каждый день признано излишеством, не предусмотренным нормативами рациона для кураторов-консультантов.

С уважением, отдел снабжения ЧОП "Лукоморье LTD"

Некоторое время в избушке висит гробовая тишина, а потом все начинают гомонить.

– Риск возгораний, – фыркает Кикимора. – А то, что я на болоте скоро плесенью покроюсь, это не риск?

– Кто эти нормативы утверждал? – возмущается Картан.

– Что это за электрик такой, что он отсутствует? – поддакивает Миранда и возмущённо трясёт пушистым хвостом.

– И почему это мясо не предусмотрено? Я вообще-то хищник! – рычит Бурман.

Леший только молча усмехается и трёт переносицу.

Все сникли, решив, что наш план прогорел. Ну нет, так дело не пойдёт!

– Что ж, отлично, – говорю, откладывая бумагу. – Они сами напросились.

– Ягуня, что ты задумала? – настораживается Бурман.

– Ничего особенного, – я невинно улыбаюсь. – Просто вспомнила, что в моём мире есть такая вещь, как инспекция по труду. И мне почему-то кажется, что в Межмирье тоже должно быть что-то подобное. Нужно только поискать.

Кикимора и Леший переглядываются. В их глазах загора-

ется опасный, но очень живой интерес. А Бурман закрывает морду лапой и трагически шепчет:

– Ох, Ягуня, доведёшь ты нас до аннулирования...

Глава 7

Складываю официальный отказ “Лукоморья LTD“ вчетверо, прячу в карман фартука и смотрю на компанию. На лицах у всех усталая покорность.

Прямо-таки узнаю лица родителей и бабушек с дедушками – они тоже постоянно терпели, ещё и нам велели. Но мы – поколение Z, не такие. Пусть терпят другие, а мы не будем!

– Ну-ка, не вешать носы, – хлопаю ладонью по столу так, что сковородка подпрыгивает. – Это не конец. Это только первый раунд.

Бурман косится на меня одним глазом:

– Ягуня, какой раунд? Какая такая инспекция по труду? Разве такая существует?

– Я тоже сомневаюсь, – качает головой Кикимора. – Это же Межмирье. Здесь всё не так, как в мире людей.

– А ничего, что мы тоже люди? Наёмные между прочим! – складываю руки на груди и хитро подмигиваю. – Уверена, что в Межмирье тоже есть кто-то, кто обязан следить, чтобы нас не обижали. Просто мы об этом не знаем. Либо нам забыли сообщить, либо сделали это специально, чтобы сидели и молчали в тряпочку.

– Если бы сидели, – хмыкает Леший. – Только и успеваем то после стихийников разгребать, то за драконами тушить.

Иной раз без еды и сна по трое суток за ними по другим мирам бегаешь. И хоть бы кто спасибо сказал. Только жалуются да выговоры лепят.

– То есть, кроме того, что они нормы СанПиН нарушают, так ещё командировочными не обеспечивают, – делаю вывод я. – И сверхурочные не выдают. И молоко за вредность. Замечательный букет.

Нависаю над столом и решительно произношу:

– А найдите-ка мне, уважаемый, инспекцию по труду Межмирья. Или надзорный орган по условиям службы Хранителей. Или хоть что-нибудь со словом “инспекция”.

Затаив дыхание, следим за столешницей. А потом там появляется листок, на котором неровным почерком накалякано:

– А вам это зачем?

В смысле, зачем? Ну нет, дорогие воробушки, так не пойдёт.

Ставлю руки в бока и грозно произношу:

– А с кем я сейчас разговариваю? Не хотите ли представиться?

Листок исчезает, и на его месте появляется новый. На нём всего одна строчка, выведенная тем же корявым почерком:

“Автоматизированная справочная система Межмирья. Версия 3.7bt”.

Вот чего врут, а?

– Уважаемая “справочная система”, не стыдно вам обма-

нывать Хранителей? А если я сейчас на вас жалобу напишу?

“За что?” – проявляется ниже.

– За то, что вы нам врёте.

“Это чем же?”

Они там сейчас реально не понимают? Им же хуже.

Хмыкнув, отвечаю:

– Автоматизированная система потому и называется так, что не умеет писать неровными прописными буквами. Это робот. Бот, если хотите. Ну что, будете дальше в несознанку уходить и дурачков из нас делать, или поговорим по-взрослому?

У Кикиморы округляются глаза, Леший прячет в кулаке нервный смешок, кураторы не издают ни звука, но и глаз со стола не сводят.

Несколько минут ничего не происходит, а потом приходит ответ:

“Простите. Меня зовут Аннабель. Я работаю только третий день. Чем могу помочь?”

Вот так бы сразу!

Переглядываюсь с остальными.

– Ну и чем может нам помочь Аннабель? – хитро подмигиваю Картану и склоняюсь над листком. – Уважаемая Аннабель, нам бы хотелось знать, какие надзорные органы существуют в Межмирье, которые защищают права Хранителей?

Маленькая врунишка некоторое время молчит.

– Может, запрос слишком сложный? – предполагает Ки-

кимора.

– Ага, – грозно щерит усы Бурман. – Как врать, так у неё сотня слов в минуту, а как на простой вопрос ответить, так сразу сложно стало.

– Не зуди, – отмахиваюсь я и пробую снова: – Скажите, Аннабель, есть ли в Межмирье орган, который проверяет условия труда?

На этот раз на листке появляется короткая строчка:

“Инспекция по соблюдению условий труда и быта сотрудников на пограничных и мобильных объектах. Статус: действует“.

Торжествующе оборачиваюсь к компании:

– Я же говорила!

– Действует, – задумчиво читает Кикимора. – Странно. Никогда о такой не слышала. А я тут тридцать лет.

– Я тут почти полвека, и тоже не слышал, – хмурится Леший.

– Девять веков, – лаконично добавляет Бурман. – И ни разу никто словом не обмолвился.

– Вот именно! – я тычу пальцем в потолок. – Ни разу за девять веков к вам не пришла инспекция. Ни разу не проверила условия проживания. Ни разу не спросила, почему Хранители работают без выходных. Это нормально?

В избушке повисает тишина. Даже Икуня перестаёт поскрипывать.

– Думаете, они просто про нас забыли? – тихо спрашивает

Миранда.

– Или забили, – добавляет Картан и щёлкает клювом.

– А вот это мы сейчас и выясним, – я снова наклоняюсь к столу. – Уважаемая Аннабель, не могли бы вы организовать нам запись на приём в Инспекцию по соблюдению условий труда?

“Записи нет, – тут же строчит дама. – Для приёма необходимо явиться лично в кабинет № 3, здание Инспекции. При себе иметь удостоверение Хранителя и три экземпляра жалобы. Также, если требуется, приложить данные о влажности воздуха и температуре в помещении (не старше трёх суток)“.

– Очень даже требуется. Только где мы им возьмём эти данные? – Кикимора возмущённо хлопает себя по бёдрам. – Или они думают, мне эту влажность местные пиявки хвостами измеряют?

– И у меня тоже нечем мерить. Термометра нет, – поддакивает Леший.

– Вставляют нам палки в колёса, – хмуро заявляет Бурман. – Не на тех напали. Если что, будем брать наглостью.

Смотрю на куратора с уважением. Вон как общей идеей проникся. А то всё “аннулируют да аннулируют“. Всё-таки есть в объединённости своя сила!

Хмыкнув, поворачиваюсь к столу.

– А где находится здание Инспекции?

“Отправляйтесь в крайний овраг. Вход между двумя соснами“, – приходит ответ.

Так, крайний овраг я знаю. Это прямоком на границе моей территории, там где она примыкает к территории Кикиморы. Вот только сосен я там на карте не видела. Ладно, найдём. И если Аннабель нам снова соврала, то не видать ей четвёртого рабочего дня. Уж я заморочусь.

– Ну что, кто со мной? – спрашиваю, оглядывая коллег.

– Я, – Кикимора первой поднимается с чурбачка. – У меня уже сил нет терпеть эту сырость, а платьев всего два. Если первое не высохнет, придётся в бересту заворачиваться. Пиявки со смеху помрут, если увидят. А они у меня и так в Красную книгу занесены.

– И я пойду, – Леший с чувством лупит кулаком по столу, отчего керосинка подпрыгивает и едва не падает на пол. – Не верю я этим бюрократам, но вдруг правда помогут.

Поправляю единственный источник света и поворачиваюсь к кураторам.

– А вы?

– Мы с вами, – синхронно кивают Миранда и Картан.

– Пропадать так с музыкой. Сразу всех не аннулируют, иначе кто тогда работать будет? – с усмешкой добавляет белка.

– Я тоже с вами, – сурово заявляет Бурманчик. – Как же я брошу свою Ягуню?

Икуня тихонько поскрипывает, готовясь к спринтерскому бегу.

– Держитесь крепче, – сажусь на кровать, хватаюсь за края

одеяла, – помчимся с ветерком. Икуня, на старт, внимание... Полетели!

Икуня не подводит. Доставляет нас до места в считанные минуты, а потом словно заправский спортсмен, прыгает на дно оврага, мягко пружинит и тормозит.

Выходим на улицу немного взбудораженные тряской, с интересом оглядываемся и действительно видим две одинокие сосны. А я ведь хорошо изучила карту – не было там никаких сосен. И вообще никаких деревьев не было.

Шифруются, значит. Вот жуки!

Подходим к деревьям, между которыми проявляется табличка со словом “Инспекция” и тут же прямо в воздухе возникает дверь с номером три. Выглядит она так, будто её вырезали из плотного тумана и покрасили чёрной краской.

– А ничего так, готичненько, – хмыкаю и, не теряя времени, громко стучу прямо в чёрный туман.

– Войдите, – доносится до моего слуха. – Только ноги вытирайте. А то ходють тут всякие, грязь носят.

Грязь, значит, носим? Ну-ну.

Открываю дверь, и мне хочется одновременно и плакать, и смеяться.

Ожидала увидеть что угодно – от небесной канцелярии до современного МФЦ. Но по факту передо мной предстаёт кабинет, который напоминает сельсовет времён моей бабушки – старый, лакированный, местами облупленный стол, в углу открытый шкаф-стеллаж, доверху забитый бумажными пап-

ками, которые вот-вот вывалятся, деревянное окно с занавесками в красный горох, на стене плакат с надписью “ЧОП Лукоморье – с нами границы на замке!”

За столом, полностью заваленным бумагами, кутается в вязаную кофту сухая морщинистая дама с крючковатым носом, который венчают большие круглые очки в роговой оправе. Выражение лица у дамы такое, что совершенно иррационально хочется развернуться и выйти вон, пока нас всех здесь не сожрали.

“Вот уж кого бабой Ягой нужно было ставить. Чистейший образчик истинной славянской мифологии, только бородавки на носу не хватает“, – усмехаюсь про себя.

Но вслух, конечно же, ничего не говорю – я не за этим пришла.

– Здравствуйте, – прохожу к столу, сажусь на деревянной скрипучий стул. – А мы к вам.

Женщина спускает очки на кончик носа, сверлит меня въедливым взглядом, после чего осматривает всех, кто вошёл следом, и недовольно поджимает губы.

– Вы по какому вопросу? И почему вас так много?

Ну, меня таким взглядом не проймёшь. Я подобный наблюдала в местном ЖЭКе, когда у меня в ноябре прохудилась труба отопления, а мне попытались скормить сказку об ушедшем на больничный единственном мастере, после чего предложили замотать трубу тряпкой и подождать планового ремонта в мае. А когда вода потекла на пол, всучили справ-

ку, что протечка находится в пределах допустимой нормы.

Судье эта справка очень понравилась, а вот начальнику ЖЭКа увольнение – не очень. Всё-таки залить четыре нижних этажа – это вам не шутки.

Расправляю плечи и говорю самым уверенным голосом, на какой способна:

– Мы – Хранители границ Межмирья. У нас коллективная жалоба на условия труда. А то, что нас много, это не наша проблема, а ваша. Могли бы и раньше проверить, как мы живём. Тогда бы мы к вам поодиночке ходили. Или не ходили, если бы нас всё устраивало.

Инспекторша поджимает губы так, что рот превращается в тонкую ниточку и молчит. Она явно не привыкла, что к ней вваливаются вот так нагло, ещё и без подобострастия.

– Жалоба? – переспрашивает она ледяным тоном, решив, что МХАТовской паузы достаточно. – На условия жизни и труда? И что же вам не нравится? Свежий воздух, физическая активность или отсутствие городской суеты? По-моему, вы работаете в идеальных условиях.

– Чего-чего? – переспрашиваю я, надеясь, что ослышалась. – Тогда, может, вы к нам на недельку перебазируетесь? Посидите у Лешего без отопления, у меня без нормального света, поспите у Кикиморы в сырой постели? А я вам утром кашу сварганю, в обед овощной супчик, а на ужин яичницу. И так каждый день. И никакого мяса, потому что “бюджет данные излишества не предусматривает”. У меня куратор,

между прочим, хищник. Ему без мяса нельзя. Он тогда становится очень нервным и начинает есть важные документы. Вот как сейчас, например.

Делаю страшные глаза и ногой легонько пихаю усевшегося рядом Бурмана. Кот тут же включается в игру. Запрыгивает на стол, издаёт утробный рёв и угрожающе скалится на стопку бумаг.

Инспекторша косится на Бурмана, и в её глазах на секунду мелькает что-то алчное. Она будто прикидывает, в какую графу внести “хищника, поедающего документы“. Но, видимо, шредер, который положено кормить три раза в день (мясом, а не только бумагами), в её кабинете не предусмотрен, потому что она недовольно поджимает губы, долго копается в ящике стола, а потом с видимым неудовольствием достаёт оттуда тоненькую стопку бланков.

– Слезьте со стола и заполните форму №17-М “Жалоба на условия службы на пограничных объектах“. В трёх экземплярах.

– У нас уже всё есть, – достаю из кармана сложенные вчетверо листы и торжественно кладу перед ней. – Коллективное обращение. Подписи почти всех Хранителей. И даже кура-торов. Вот здесь, внизу, галочка – это белка, а крестик – ворон. Ключом ставил, между прочим. Очень старался.

Инспекторша берёт листы, разворачивает с пренебрежением, будто я ей внутрь змею вложила, и пробегает по ним глазами. Замечаю, как дёргается уголок её рта. Она тормозит

на какой-то строчке, и её бровь ползёт вверх.

– “...условия нашего проживания не соответствуют не только XXI веку, но и элементарным представлениям о комфорте, принятом даже в пещерах каменного века...” – зачитывает вслух.

Мы молчим. Инспекторша поднимает глаза и смотрит на нас поверх очков. Я жду, что сейчас она разразится гневной тирадой. Но вместо этого она вдруг спрашивает:

– А откуда вы знаете про комфорт в пещерах каменного века? У нас были Хранители из той эпохи, но они, знаете ли, на условия не жаловались. Им и костра было достаточно.

Я не теряюсь ни на секунду:

– Так это когда было? В каменном веке. А у нас на дворе давным-давно цивилизация. Вы бы ещё палку-копалку вспомнили. Или наскальные росписи.

Инспекторша издаёт странный звук – что-то среднее между кашлем и хрюканьем, после чего ставит штамп “Принято к рассмотрению”, прячет жалобу в папку и холодно произносит:

– Хорошо. Я назначу вам выездную проверку. Завтра в десять ноль-ноль будьте на месте. И подготовьте показания влажности воздуха и температуры окружающей среды в течение последних суток. Без них проверка недействительна.

– Да где я вам возьму эти показания? – возмущается Кикимора. – У меня болото, а не магазин электротоваров!

– Согласен, – гневно басит Леший. – И у меня термометра

нет.

Инспекторша закатывает глаза, а потом достаёт из ящика гигрометр и термометр.

– Вот. Снимите показания. Вернёте завтра, – протягивает нам.

Кикимора берёт прибор дрожащими руками, будто это артефакт невероятной силы.

– Спасибо.

– Это не подарок, – сухо отвечает инспекторша. – Это инвентарь.

– А что по рациону хищника? – выпячивает усы Бурман под одобрителное щёлканье клювом Картана.

– Про хищников у нас отдельный регламент. Разберёмся позже, – обрывает его инспекторша. – А то ишь, всего и сразу им подавай. На сегодня приём закончен. Покиньте помещение. У меня санитарный час.

Ну ладно. Это я запомню. Молча прищуриваюсь и встаю.

Выходим из кабинета хмурой толпой. Только Леший да Кикимора более-менее спокойны. Меня же прёт во все стороны от зла на бюрократическую машину. Ну ничего, мы ещё поборемся.

– Знаешь, Ягуня... – оглядывается на меня Бурман. – Кажется, мы ей не понравились. Как бы не настрочила на нас кому следует. Будет нам потом проверка на профпригодность с отпуском в один конец.

– О, а это идея! – хищно улыбаюсь я, прикрывая дверь

между сосен и подмечая, как она тут же исчезает. – В следующий раз потребуем оплачиваемый отпуск. И профсоюзные выходные. У нас же здесь есть профсоюз?

Вернувшись на поляну, где мы в последние дни ночуем, провожаю новообретённых друзей. Они спешат снять показания для инспекторши, а мы с Бурманом готовимся к завтрашнему дню.

Нет, я не собираюсь мыть Икуню по сотому разу или прятать керосинку... Пока Бурмаша с важным видом намывает свою шоколадную шкурку, я сижу и кропаю огро-о-омный список запросов.

А что они думали, в сказку попали?

Не-а. В сказку попала я. Вот только в какую-то противную и бюрократическую сказку, где считается, что раз ты – баба Яга, то обязана жить как жилось ещё при царе Горохе; раз ты Кикимора, то должна покрыться плесенью, пока спишь в мокрой луже. А уж если ты, не приведи Создатель, куратор, то и вовсе считаешься бесправным и безмозглым животным, которому из еды положена травинка, а из питья – маковая росинка.

Права отобрали (точнее, умолчали), а обязанности никто не отменял. И где здесь справедливость? То-то и оно.

Ух, ну я им задам жару! Попляшут они у меня! Будут голым попом жар загребать и в кузовочки складывать.

Сворачиваю листок, прячу его в карман рядом с предыдущим и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.